

A woman with a long blonde braid, wearing a white spaghetti-strap dress, holds a glass pitcher of milk. She stands between two men. The man on the left wears a white button-down shirt and jeans, while the man on the right wears a denim jacket over a light shirt and jeans. The background is a warm, golden-hued landscape with stylized golden swirls and a starry sky. The text 'Доярка для Председателей' is overlaid in a large, white, serif font.

Доярка
для
Председателей

МАГИССА

Магисса - Доярка для Председателей

<https://litres.ru/74350694>

Аннотация

ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО!! Первые 3 дня мини бесплатно! Подпишись, чтобы не пропустить новинки! ♥# Воздух в маленькой камерке мгновенно стал плотным, наэлектризованным. Они стояли очень близко, трое, в этом крошечном пространстве, и Аглая чувствовала жар, исходящий от их тел, слышала их прерывистое дыхание. Степан протянул руку и грубовато, но не зло, коснулся ее щеки, его большой палец стер невидимую слезу.

«Не бойся нас, девочка», – прохрипел он. – «Мы не обидим.»
цикл "Деревенские страсти"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава 1

Аглая

Промозглая сырость раннего утра липла к коже, забираясь под ветхую телогрейку. Аглая поежилась, кутаясь плотнее, и решительно шагнула из тесной каморки в клубящийся туман.

Деревня «Заря» еще спала, утопая в молочной дымке, лениво выползавшей с реки. Лишь где-то вдалеке тоскливо промычал первый проснувшийся бык, да петух на соседнем дворе исступленно драл горло, приветствуя рассвет, которого еще и видно не было.

Городская жизнь с ее неоновым гулом и вечной спешкой казалась теперь далеким, почти нереальным сном. Здесь, в этой глуши, время текло иначе – вязко, как патока, подчиняясь древнему ритму природы. Аглая сбежала сюда от разбитого сердца и опостылевшей офисной рутины, ища забвения и чего-то... настоящего. Пока что «настоящее» пахло прелым сеном, парным навозом и коровьим потом.

Сегодня скотный двор снова встретил ее дружным мычанием и тяжелым, густым духом. Аглая привычно взяла оцинкованное ведро, ополоснула его ледяной колодезной водой и подошла к Зорьке, своей любимице, самой спокойной и удойной корове.

Пристроив низенькую скамеечку, она обтерла теплое,

упругое вымя чистой тряпичей и ловко обхватила соски загрубевшими, но все еще по-городскому тонкими пальцами. Первые тугие струйки молока звонко ударили о дно ведра.

Ритмичная работа успокаивала.

Мысли текли лениво, как речной ил. Одиночество здесь ощущалось острее, чем в многомиллионном городе, но оно было другим – не давящим, а каким-то первозданным. И вместе с ним, где-то в глубине живота, шевелилось смутное, неутоленное желание, от которого она так долго пыталась отмахнуться.

Внезапный скрип калитки заставил ее вздрогнуть.

На пороге скотного двора, словно выросший из тумана, стоял Степан Игнатьевич, председатель «Зари». Фигура кражистая, в потертой брезентовой куртке, из-под которой виднелась мощная шея. Лицо обветренное, с глубокими морщинами, а глаза... Светлые, почти бесцветные, они впились в Аглаю тяжелым, изучающим взглядом, от которого по спине пробежал холодок.

Хозяин. Одного этого слова было достаточно, чтобы описать его.

Он молча кивнул, прошелся по двору, оглядывая коров, заглядывая в кормушки.

Аглая старалась не смотреть на него, сосредоточившись на дойке, но чувствовала его взгляд на себе – на своих руках, перебирающих соски, на том, как под ситцевой блузкой колыхнется ее полная грудь в такт движениям, на выбившейся

из-под платка темной прядке волос, прилипшей к вспотевшему виску.

Он подошел ближе, остановился почти рядом. Запах его тела – резкий, мужской, смешанный с запахом табака и чего-то еще, непонятного, терпкого – ударил в ноздри.

«Все в порядке?» – голос у него был низкий, с хрипотцой, словно простуженный.

«Да, Степан Игнатьевич, все хорошо», – пискнула Аглая, не поднимая глаз, чувствуя, как краска заливает щеки.

Он постоял еще мгновение, словно чего-то ожидая, потом так же молча развернулся и вышел. Аглая выдохнула, только когда его тяжелые шаги затихли вдали. Сердце колотилось как сумасшедшее. Этот взгляд... В нем не было ничего непристойного, но он раздевал, проникал под кожу, оставляя после себя странное, будоражащее ощущение.

Не успела она опомниться, как у ворот снова кто-то появился. На этот раз скрип был другой – легкий, почти игривый.

Виктор Павлович, председатель соседнего, процветающего хозяйства «Новый Путь», собственной персоной. Моложе Степана лет на пятнадцать, подтянутый, в модной кожаной куртке, даже здесь, на скотном дворе, он умудрялся выглядеть так, словно сошел со страниц журнала. Темные волосы аккуратно зачесаны, на губах – легкая, чуть насмешливая улыбка, а в карих глазах плясали бесенята.

«Аглаюшка, доброе утро! Вся в трудах, как пчелка», – его

голос был бархатным, обволакивающим. Он подошел ближе, и Аглая уловила тонкий аромат дорогого парфюма, так не вязавшийся с обстановкой.

«Здравствуйте, Виктор Павлович», – Аглая снова покраснела, но на этот раз смущение было другим, более кокетливым.

Его взгляд скользнул по ней – открыто, оценивающе, но без тяжести степановского. Он задержался на ее губах, потом на груди, и Аглае показалось, что он видит ее насквозь, читает все ее тайные мысли.

«Слышал, Степан Игнатьич вами не нарадуется. Говорит, такой работницы у него отродясь не было», – он подмигнул. – «Может, и нам в «Новый Путь» такая красавица пригодилась бы? У нас и условия получше, и техника поновее».

Аглая смущенно пробормотала что-то невразумительное. В этот момент из конторы вышел хмурый Степан. Увидев Виктора рядом с Аглаей, он нахмурился еще больше.

Немая сцена. Аглая почувствовала себя теннисным мячиком, который вот-вот начнут перебрасывать через сетку. Напряжение между двумя мужчинами было почти осязаемым, и она, к своему удивлению, ощутила в этом что-то пьянящее.

Степан

Степан Игнатьевич вернулся в свою тесную контору, пахнущую старыми бумагами и дешевым табаком. Образ Аглаи стоял перед глазами. Молодая, ладная. Грудь под простенькой блузкой так и ходила ходуном, когда она доила – высо-

кая, упругая, так и просилась в мужскую руку.

А задница... Когда нагибалась, юбка натягивалась, обрисовывая крутые, полные бедра. Слюна невольно скопилась во рту. Давно он так на баб не заглядывался. После смерти Марфы словно отрезало. А тут... эта городская фифа, с ее нежной кожей, еще не загрубевшей от работы, с этими испуганными, но любопытными глазами.

Он вспомнил, как ее пальцы ловко перебирали соски Зорьки, как влажно блестели ее губы, когда она облизывала их от напряжения. Захотелось самому припасть к этим губам, попробовать их на вкус, а потом сжать в своих лапищах эту податливую плоть, услышать ее стон.

Он уже представлял, как сорвет с нее этот простенький платок, зароется лицом в ее темные, пахнущие луговыми травами волосы, как его руки будут исследовать каждый изгиб ее тела, такое мягкое, такое женственное под грубой тканью.

И этот хлыщ, Виктор... Степан скрипнул зубами. Видел он, как тот обхаживал Аглаю, как змеем перед ней вился. «Условия получше»... Тьфу! Знал он его условия. Бабник, каких свет не видывал. Перепортил всех девок в округе.

Но Аглая... она другая. В ней было что-то чистое, незамутненное, и это распаляло Степана еще больше. Собственный инстинкт, дремавший годами, взревел в нем раненым зверем. Его ферма, его земля, и бабы на ней – тоже его.

А эта, новенькая, особенно будоражила кровь. Он почув-

ствовал, как в паху потежелело, член напрягся, требуя выхода накопившейся за годы воздержания силы. Он сжал кулаки, представляя, как возьмет ее – грубо, по-хозяйски, чтобы знала, чья она.

Виктор

Виктор Павлович отъехал от «Зари», посмеиваясь в усы. Аглая... Занятный экземпляр. Не какая-нибудь деревенская простушка, хоть и одета скромно. Фигурка – точеная, грудь – яблочками налилась, а глаза... В них и испуг, и любопытство, и какая-то затаенная чертовщинка. Таких он любил – неиспорченных, но с огоньком внутри. Раскрыть такой бутон – особое удовольствие.

А старый Степан... Виктор усмехнулся.

Как тот набычился, увидев его рядом с Аглаей. Ревнует, старый хрыч. Ну что ж, тем интереснее будет игра. Виктор любил вызовы, а отбить такую «добычу» у самого Степана Игнатьевича – это почти спортивный интерес.

Он уже представил, как будет ее соблазнять – не спеша, со вкусом. Сначала комплименты, цветы, небольшие подарки. Потом – «случайные» прикосновения, взгляды, от которых она будет краснеть и томно вздыхать. А потом... потом он возьмет ее, но не так грубо, как это сделал бы Степан. Он будет ласкать ее до тех пор, пока она сама не начнет умолять его о большем. Он заставит ее стонать от наслаждения, познать такие грани удовольствия, о которых она и не подозревала.

Мимолетная, почти хулиганская мысль мелькнула в его голове: а что, если... если не просто отбить, а... разделить? Представил на секунду: Аглая, раскрасневшаяся, растрепанная, между ним и Степаном. Эта картина была настолько дикой и неожиданной, что Виктор даже присвистнул от удивления. Нет, это уже слишком. Хотя... почему бы и нет? Такой опыт мог бы стать вершиной его коллекции любовных побед. Он хмыкнул. Об этом стоило подумать. Но сначала нужно было подготовить почву. И Аглаю. И, возможно, самого Степана.

Аглая

Вечер опустился на деревню быстро, словно кто-то накрыл ее темным покрывалом. Аглая сидела на своей узкой кровати, прислушиваясь к стрекоту сверчков за окном. Усталость приятно ломила тело, но сон не шел. Образы сегодняшнего утра навязчиво лезли в голову.

Степан. Его тяжелый, пронзительный взгляд, от которого по коже бежали мурашки. Его молчаливая сила, его грубоватые руки, которые, казалось, могли сломать ее, как тростинку, или... или сжать в объятиях так, что захватит дух.

Она представила, как он подходит к ней, молча берет ее за руку, притягивает к себе. Его губы – жесткие, обветренные – впиваются в ее рот, требуя ответа. Его руки блуждают по ее телу, безжалостно сминая грудь, оглаживая бедра. Это было страшно, но и... волнующе до дрожи.

Потом перед глазами возник Виктор. Его обаятельная

улыбка, его бархатный голос, его глаза, в которых плясали озорные искорки. Он другой. Он не будет брать силой. Он будет соблазнять, искушать, дразнить.

Аглая представила, как он целует ее пальцы, потом шею, как его губы легко касаются ее сосков сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Его руки – нежные, но настойчивые – будут скользить по ее телу, вызывая волны сладкого томления. Он будет шептать ей на ухо какие-то непристойности, от которых она будет краснеть, но и плавиться от желания.

Жар охватил ее тело. Рука сама потянулась под старенькую ночную рубашку, коснулась набухших, чувствительных сосков. Она тихо застонала, прикусив губу.

А что, если... если оба? Мысль была настолько дикой, настолько запретной, что Аглая испугалась самой себя. Но воображение уже рисовало картину: она лежит между ними, двумя такими разными, но такими сильными мужчинами. Степан нависает над ней, его тяжелое тело прижимает ее к кровати, его член, твердый и горячий, властно вторгается в нее. А Виктор в это время целует ее грудь, его язык дразнит соски, его пальцы ласкают ее клитор, доводя до исступления.

Ее собственная рука скользнула ниже, к ложбинке между ног. Там уже все было влажно, пульсировало от возбуждения. Пальцы коснулись маленького твердого узелка, и по телу пробежала первая судорога наслаждения. Она закрыла глаза, отдаваясь нахлынувшим ощущениям и образам.

В ее фантазии Степан грубо раздвигал ей ноги, его дыха-

ние было тяжелым, прерывистым. Он смотрел на нее голодным взглядом, прежде чем войти в нее – мощно, до самого основания. Аглая выгнулась на кровати, представляя это ощущение наполненности, растяжения, почти боли, смешанной с диким, первобытным удовольствием.

Его руки сжимали ее бедра, приподнимая их, чтобы войти еще глубже, а Виктор в это время целовал ее шею, его язык проникал в ее ухо, шепча горячие, непристойные слова. Его рука скользила по ее животу, дразня, спускаясь все ниже, пока его пальцы не нашли ее мокрую, пульсирующую киску.

Аглая застонала громче, ее пальцы задвигались быстрее, увереннее, вгоняя себя в иступление. Она представляла, как Степан двигается в ней, его толчки были сильными, ритмичными, выбивающими из нее стоны. А Виктор, не переставая ласкать ее киску, наклонялся и впивался губами в ее грудь, его язык обводил и терзал напряженный сосок.

Двойное удовольствие, двойная атака на ее чувства. Она чувствовала себя разрываемой на части, но это было невыносимо сладко.

Ее тело выгибалось дугой, дыхание стало частым, прерывистым. Волна оргазма подступала, горячая, неумолимая.

Она представила, как оба мужчины одновременно достигают пика – Степан рычит, изливаясь в нее горячей спермой, а Виктор стонет ей в грудь, его пальцы продолжают терзать ее клитор, продлевая и усиливая ее собственное наслаждение.

С громким, сдавленным вскриком Аглая кончила. Тело

содрогнулось в сладких конвульсиях, пальцы замерли, но киска продолжала пульсировать, изливая последние капли удовольствия. Несколько мгновений она лежала не двигаясь, тяжело дыша, возвращаясь в реальность. Комната была пуста. За окном – только темная деревенская ночь и равнодушные звезды.

Но ощущение их присутствия – двух сильных, желанных мужчин – было таким реальным, таким острым. Аглая провела рукой по влажному лобку, чувствуя липкую смазку.

Что это с ней? Никогда прежде она не испытывала ничего подобного, не позволяла себе таких откровенных, таких... извращенных фантазий. Но это было так возбуждающе, так пьяняще. Она поняла, что ее тихая, размеренная жизнь в деревне «Заря» закончилась, так и не начавшись. И что-то подсказывало ей, что самое интересное – и самое опасное – только впереди.

Глава 2

Степан

Солнце палило нещадно, плавя полуденн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.